

Сидитъ печаленъ надъ горой,  
Недвижно въ даль уставя очи,  
Опершись на руку главой.  
Какія мысли въ немъ проходятъ?  
Чего желаетъ онъ тогда?  
Изъ міра дальняго куда  
Младяны сны его уводятъ?  
Какъ знать? Незрима глубь сердець!  
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,  
Какъ вѣтеръ въ небѣ...

Въ самомъ дѣлѣ, чтò онъ такое—поэтъ, художникъ, жрецъ науки или просто одна изъ тѣхъ внутреннихъ, глубоко сосредоточенныхъ въ себѣ натуръ, рождающихся для мирныхъ трудовъ, мирнаго счастья, мирнаго и благодѣтельнаго вліянія на окружающихъ его людей? Какъ знать это кому-нибудь, если онъ самъ того не знаетъ? Явился онъ въ цивилизованномъ обществѣ,—хотя съ трудомъ, съ борьбой, надѣлавъ тысячи ошибокъ, но созналъ бы онъ свое назначеніе, напелъ бы его и отдался бы ему. Но онъ родился среди патриархально-разбойническаго, дикаго и не-вѣжественнаго племени, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго,—и ему нѣтъ мѣста на землѣ, онъ отверженъ, проклятъ; его родные—враги его... Отецъ Тазита—чеченецъ душой и тѣломъ, чеченецъ, которому непонятны, которому ненавистны всѣ нечеченскія формы общественной жизни, который признаетъ святой и безусловно истинной только чеченскую мораль, и который, слѣдовательно можетъ въ сынѣ любить только истаго чеченца. Въ отношеніи къ сыну онъ не дѣйствуетъ, иначе, какъ заодно съ чеченскимъ обществомъ, во имя его національности. Трагическая коллизія между отцомъ и сыномъ, т. е. между обществомъ и человѣкомъ, не могла не обнаружиться скоро. Разъ Тазитъ, въ своихъ горныхъ разѣздахъ, встрѣтилъ армянина съ товарами—и не ограбилъ, не убилъ или не привелъ его домой на арканѣ. Другой разъ повстрѣчалъ онъ бѣлаго раба—и оставилъ его невредимымъ; въ третій—

Отецъ.

Кого ты видѣлъ?

.....

Сынъ.

Убійцу брата.

Отецъ.

Убійцу сына моего?..

Тазитъ! гдѣ голова его?

Дай, наглажусь!

Сынъ.

Убійца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ...

Отецъ.

Ты долга крови не забылъ...

Врага ты навзничъ опрокинулъ...

Не правда ли? ты шашку вынулъ,

Ты въ горло сталь ему воткнулъ  
И трижды тихо повернулъ?  
Упился ты его стenanемъ,  
Его змѣинымъ издыханьемъ?..  
Гдѣ жъ голова, подай!.. Нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ, потупя очи,  
И сталъ Галубъ чернѣе ночи  
И сыну грозно возопилъ:

„Поди ты прочь—ты мнѣ не сынъ!  
„Ты не чеченецъ—ты старуха,  
„Ты трусъ, ты рабъ, ты армянинъ!  
„Будь проклятъ мной, поди—чтобъ слуха  
„Никто о робкомъ не имѣлъ,  
„Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,  
„Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи  
„Окровавленной кошкой сѣлъ  
„И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;  
„Чтобъ ты, какъ раненый олень,  
„Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;  
„Чтобъ дѣти русскихъ деревень  
„Тебя веревками поймали  
„И какъ волчонка затерзали—  
„Чтобъ ты... бѣги, бѣги скорѣй!  
„Не оскверняй моихъ очей!“

Здѣсь, въ лицѣ отца, говоритъ общество. Такія чеченскія исторіи случаются и въ цивилизованныхъ обществахъ: Галилея въ Италіи чуть не сожгли живого за его несогласіе съ чеченскими понятіями о міровой системѣ. Но тамъ человѣкъ знаніемъ опередилъ свое общество и, если бъ былъ сожженъ, могъ бы имѣть хоть то утѣшеніе передъ смертью, что идеи-то его не сожгутъ не-вѣжественные палачи... Здѣсь же человѣкъ вышелъ изъ своего народа своей натурой, безъ всякаго сознанія объ этомъ,—самое трагическое положеніе, въ какомъ только можетъ быть человѣкъ!.. Одинъ среди множества, и ближніе его—враги ему; стремится онъ къ людямъ и съ ужасомъ отскакиваетъ отъ нихъ, какъ отъ змѣи, на которую наступилъ нечаянно... И винить, и презираетъ, и проклинаятъ онъ себя за это, потому что его сознаніе не въ силахъ оправдать въ собственныхъ его глазахъ его отчужденіе отъ общества... И вотъ она—вѣчная борьба общаго съ частнымъ, разума—съ авторитетомъ и преданіемъ, чело-вѣческаго достоинства—съ общественнымъ варварствомъ! Она возможна и между чеченцами!..

Превосходны, выше всякой похвалы, послѣдніе стихи «Галуба», представляющіе живое изображеніе черкесскихъ нравовъ и трогательную картину отчужденныхъ отъ общества любовниковъ:

Они въ толпѣ четою странной  
Стоять, не видя ничего.  
И горе имъ: онъ—сынъ изгнанный,  
Она—любовница его...  
О, было время! съ ней укралъ  
Видался юноша въ горахъ;  
Онъ пилъ огонь отравы сладкой  
Въ ея смятеніи, въ рѣчи краткой,  
Въ ея потупленныхъ очахъ,  
Когда съ домашняго порогу  
Она смотрѣла на дорогу,